

УДК 130.1

ДОЖИНКИ ПО-БЕЛОРУССКИ: ОТ РИТУАЛА К КАРНАВАЛУ

© 2013 г.

А.И. Доманская

Белорусский госуниверситет, Минск, Беларусь

domanskaya@gmail.com

Поступила в редакцию 10.11.2012

Дожинки (Дажынкi) представляют собой древний обряд, часть дохристианского языческого аграрного ритуального комплекса. Дожинки связаны с концом уборки урожая. Этот обряд пережил христианизацию и советскую секуляризацию и сохранил в Беларуси популярность до сегодняшнего дня. С 1996 года на государственном уровне Дожинки отмечаются как «Республиканский фестиваль-ярмарка работников села Дожинки», это событие республиканского значения. В статье дан анализ трансформации религиозного ритуала в секулярное мероприятие, активно используемое государством для общения с гражданами и легитимации власти.

Ключевые слова: Дожинки, секуляризация, теория ритуала, современные обряды, современная религиозность.

«Дожинки, старинный обряд, отмечавший конец жатвы. Этот обряд известен у всех земледельческих народов, в частности у славян, немцев и др. В древности служил приемом колдовства. Последний сноп, составленный из срезанных всеми жнецами колосьев, перевитый цветами или наряженный в женское платье, торжественно привозился в селение или оставлялся в поле до следующей жатвы. Дожинки сопровождалась радостными дожиночными песнями и плясками» [1, с. 391].

Наиболее релевантным теоретическим основанием рассмотрения той роли, которую играет сегодня этот обряд в белорусском обществе, представляется теория секуляризации, концептуализирующая изменения в проявлении религиозных феноменов в современном мире. Еще К. Маркс, Э. Дюркгейм, Э. Трельч, З. Фрейд и М. Вебер высказывали предположение, что процесс модернизации с необходимостью сопровождается уменьшением роли религии в обществе, а современные общественные институты функционируют не с опорой на ценности, освящаемые религией, а с опорой на гуманистические идеалы и принципы научной рациональности. Многие социальные теоретики XX века, такие как Р. Дарендорф и Ю. Хабермас, рассматривая вслед за Т. Парсонсом общество как систему с постоянно возрастающей дифференциацией функций отдельных ее элементов (социальных институтов), указывали на то, что религиозные институты постепенно уступают значительную часть сферы своего влияния на жизнь людей светским институтам и органам

эмансипированной от религии государственной власти.

В Советском Союзе идеи, которые западные мыслители развивали, стремясь к нейтральному анализу и отрицая какую-либо свою заинтересованность в описываемом процессе, легли в основание модели для решения практических задач. Советские ученые определяли религию как вредную иллюзию, препятствующую совершенствованию человека и общества, а освобождение от влияния религии – как часть общественного прогресса, способствующего развитию человека, его духовной свободе, развитию его интересов и способностей. Как заключает Р.А. Лопаткин, «секуляризация жизнедеятельности общества и личности является необходимым условием достижения всех вышеперечисленных целей» [2, с. 23].

На сегодняшний день среди социальных теоретиков нет единого мнения о том, в каком ключе следует говорить о секуляризации: в негативном (как П. Бергер в работе «Священная завеса» или Т. Лукман в работе «Невидимая религия: проблема религии в современном обществе», которые рассматривали секуляризацию как утрату связи человека со священным и угрозу существованию социального порядка); в позитивном (как С. Картер, понимая трансформацию в массовом сознании как движение от мифа к логосу); или (как Х. Казанова и Т. Асад) вообще отрицая секуляризацию как объективно имеющий место в мире процесс. Тем не менее сформулированные в рамках теории секуляризации тезисы о приватизации религии, маргина-

лизации ее функций в публичной сфере, замещении религиозных ритуалов светскими торжествами (национально-патриотического или гуманистического характера), вытеснение религиозных коннотаций и значений из повседневного массового мышления и замещение их на социально-идеологические, – все эти тезисы могут быть справедливо отнесены к тому эмпирическому материалу, который собран в данной статье как раскрывающий трансформацию обряда дожинок в Беларуси.

В данной статье мы представим реконструкцию традиционного для Беларуси обряда дожинок по данным этнографических исследований, рассмотрим трансформацию его в советское время, а затем его место в государственной идеологической работе в современной Беларуси, проанализировав данные полевых наблюдений. Такая структура изложения материала позволяет сделать некоторые выводы о значении этого ритуала сегодня.

Традиционные дожинки – не автономный праздник, как, например, Новый год. Это третий элемент традиционного белорусского религиозно-ритуального «триптиха», связанного с уборочными работами, в который входят так называемые «агледзіны і пакрыванне поля» (осмотр и покрывание поля), «зажынкi» (зажинки как начало жатвы) и собственно «дажынкi» (дожинки как окончание жатвы). Как отмечают этнографы, изначально сельскохозяйственные обряды являют собой ритуалы поклонения языческим духам и богам, направленные на обеспечение их благосклонности в вопросах сбора и хранения урожая, а также урожая следующего года. Эти ритуально-магические комплексы, однако, сильно видоизменились под влиянием христианства.

По данным Я.П. Тышкевича, П.М. Шпилевского и П.В. Шейна, в XIX в. сельскохозяйственные обряды еще активно практиковались крестьянами Витебской и Минской губерний. По этнографическим свидетельствам, в Беларуси указанная группа обрядов, связанных с уборкой урожая, была чрезвычайно широко распространена еще в начале XX века; они практиковались повсеместно с некоторыми вариациями. Приведем в общих чертах описание обрядов.

Если осмотр поля совершал хозяин, то покрывание поля всегда считалось делом женщины. В зависимости от местности в поле шла либо хозяйка, либо главная жнея, либо молодая, недавно вышедшая замуж женщина. Обряд состоял в том, что, сжав один сноп, женщина обматывала его отрезом нового полотна или рушником, подкидывала его, пела или что-то при-

говаривала. Шпилевский П. приводит такой заговор: «Пакрыла ніўку на добрую спажаўку, Парадзі, Божа, наша збожжа! ... Крыта, крыта! Поўна, сыта! Божа, памажы, хлеба ўрадзі!» [3, с. 19–20]. В данных заговорах очевидно присутствуют языческие и христианские элементы. У Бога, а до этого у духов поля и небесных богов, спрашивали разрешения на начало жатвы, советовались, просили щедро отдать людям выращенный урожай.

Зажиночные священнодействия направлены в основном на то, чтобы обеспечить успешный сбор урожая (в плане благоприятной погоды, здоровья и сил тружеников, отсутствия прочих мешающих уборке урожая факторов). Л. Хрышчанович так описывает этот обряд: «Обычно зажинки справлялись в субботу вечером. К зажинкам готовились заранее, прибирали в доме, застилали чистой скатертью стол, клали буханку хлеба и ставили соль. Зажинальницей выбиралась женщина «легкая на руку», чтобы все жниво выдержала и провела успешно. Зажинальница приветствовала ниву: «Добры дзень, ніўка, яроднае жыта!», зажинала несколько стеблей, скручивала их и подпоясывалась ими, а первый сноп ставила со словами «Стаўлю сноп на сто коп, на тысячу мерак», клала под него хлеб и сыр. Потом хозяйка забирала этот сноп домой и зерно из него подмешивали к семенам следующего года»¹ [4, с. 16].

Обряд дожинок отправлялся в связи с окончанием жатвы. Приурочивалось это событие традиционно к 22–23 сентября – дням осеннего равноденствия. Как сообщают этнографы, «в народном календаре им предшествует праздник Багач (Богач), а в христианском – Вторая Пречистая, или День рождения Богородицы» [5, с. 211]. Оба праздника празднуются 14 (21) сентября. И это действительно важный момент, так как во многих архаичных религиях даты равноденствий, как и даты солнцестояний, почитались сакральными. У многих индоевропейских народов с днем осеннего равноденствия был связан праздник Нового года, а окончание жатвы – дожинки – оказывались одним из элементов сложного ритуально-обрядового комплекса, в котором эклектично и в то же время гармонично сплетались мифы о родящей мощи земли, щедрости духов природы, небесная и солярная мифология. Необходимо было отблагодарить «духов хлебной нивы» или Бога за полученный урожай и магическими методами гарантировать благосклонность высших сил на будущий год.

Обычно дожиночный обряд включал в себя следующие элементы: в последний день жатвы на поле собиралась толока, самая уважаемая

женщина распределяла всех по ниве и сама начинала жать с ритуальной песней. По замечанию А.С. Федосика, «среди жатвенных песен поэтическим богатством, настоящей роскошью поэтики выделяются дожиночные, посвященные окончанию жатвы»² [6, с. 178]. Особой значимостью наделялись последний стог и последние стебли. Последний стог, так называемый дожиночный, украшенный или даже ряженный в женские платья, оставлялся в избе рядом с зажиночным до следующего года. Последние колосья, около тридцати, оставлялись на ниве. С ними связан интересный ритуал. Из девушек выбиралась самая красивая, и она полола траву под последними стеблями, затем под них клались и наливалось угощение: хлеб, сыр, спиртное, а сами колосья заплетались в т.н. барладу (бороду). Как отмечает В. Лицвинка, мифологи связывают обряд «завивания бороды» с жертвой козлоподобному духу нивы [7, с. 136]. Некоторые исследователи усматривают в этом акт благодарения душ предков за помощь в уборке урожая [8, с. 85].

В период между Великой Октябрьской революцией и Второй мировой войной произошли серьезные социально-политические и культурные изменения, которые существенно повлияли не только на изменение сельскохозяйственной обрядности, но и на все прочие стороны жизни общества. Руководство советских социалистических республик уделяло немало внимания вопросам идеологии и формирования у граждан определенного мировоззрения, основанного на научном атеизме, вере в прогресс и победу коммунизма. Начиная с 1920-х годов была широко развернута антирелигиозная пропаганда, важной составляющей которой являлась борьба именно с религиозными праздниками. Приведем для примера данное И. Чикиным объяснение происхождения сельскохозяйственных праздников: «Дело в том, что древние дикари-земледельцы вели мотыжное хозяйство. При кочевом же (бродячем) образе жизни и при низкой технике они не могли хранить хлебных продуктов, что вынуждало их при сборке урожая невольно обжираться и самым простым способом, за неимением постоянных хранилищ продуктов, перегонять эти продукты на питательное пиво. Естественно поэтому, что дни подведения итогов сбора урожая отличались усиленной жратвой, пьянкой, а стало быть, бездельем. Накопившаяся же энергия от усиленной еды уходила на игры, веселье, половую распущенность и различные церемонии, в честь главным образом предков-покойников, превратившихся впоследствии в богов, которых они

ублаговотворяли «жратвом» (от слав. слова «жрети», отсюда произошли слова «жрец» и «жертва») за изобилие плодов земных» [9, с. 3].

Понимаемые таким образом антипрогрессивные религиозные обряды советская власть стремилась замещать более прогрессивными, идеологически правильными гражданскими обрядами, методики проведения которых специально разрабатывались как централизованно, так и на локальных уровнях³. При этом нельзя не отдать должное внимательности и чуткости, с которыми проводилась идеологическая работа. Так, в связи с чрезвычайной значимостью сельскохозяйственных обрядов для крестьян, в 1923 году в газете «Правда» была опубликована статья Н.К. Крупской «Праздник урожая», в которой предлагалось «на новой основе продолжать старые народные обычаи, сопровождающие летние и весенние работы по уборке урожая» [10, с. 119].

В соответствии с этим курсом партии в начале 1930-х годов был введен профессиональный праздник День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, который отмечался во второе воскресенье октября. В Беларуси, России и на Украине эта дата зафиксирована и по сей день. По своему содержанию этот праздник призван чествовать тружеников села, крестьян. И хотя он отмечался не в те же дни, что дожинки или Богач, однако сам факт, что профессиональный праздник аграриев и животноводов календарно приурочен к моменту окончания сбора урожая, с одной стороны, представляется довольно логичным и правильным, а с другой стороны, оказывается эффективным социально-политическим ходом. Народный праздник урожая (символическое и ритуальное ядро которого составляют дожинки), праздновавшийся до того сугубо локально (в рамках отдельных хозяйств и общин), в формате Дня работников сельского хозяйства получает статус общенационального праздника. Дата торжеств, до того плавающая и обычно более ранняя, оказывается зафиксированной. Соответственно, сильно формализуется и формат проведения праздничных мероприятий.

Следует также подчеркнуть принципиальную трансформацию содержания обрядов, которые при советской власти намерено максимально секуляризировались, освобождались от их мистического и магического измерений. Обряды постепенно превратились из процесса взаимодействия человека с потусторонними силами в некие действия, совершаемые по инерции, по традиции. Сами аграрии, носители этой традиции, утратили понимание сакрального смыс-

ла исполнения обрядовых действий. В качестве примера приведем рассказ жительницы деревни Старая Алешня Рогочевского района Н.Д. Малалетниковой об обряде осмотра поля: «Перед Ильей, уже ж надо жито жать, ...ну, идет батька поле глядеть: поспело ли жито. Походит, поглядит свою ниву: как урожай, как уродило жито, хорошее ли, плохое ли. Все полоски обглядит, а дома матери советует, откуда начать жать» (8-94-284-1, л.12 [5, с. 183])⁴.

Многочисленные теории ритуалов, разработанные в религиоведении и культурной антропологии, утверждают, что ритуалы и обряды в ситуациях утраты своего сакрального измерения и, следовательно, цели своего исполнения перестают функционировать как средство связи человека с сакральными сущностями и перестают быть необходимой составляющей правильного и нормального поведения человека в его отношениях с тем миром, в котором он живет. Теряя свое сакральное ядро, обряды непременно рудиментируются, упрощаются и постепенно забываются⁵. Так ли это в ситуации с дожинками?

Дажынки (Дожинки) в Беларуси сегодня – Праздник с большой буквы. Это связано с тем, что с 1996 года в рамках государственной программы по возрождению села это мероприятие как республиканский фестиваль-ярмарка работников села государственного уровня проводится в Беларуси ежегодно. Фестиваль организуется в одном из районных центров Беларуси. В 2011 году Дожинки проходили в г. Молодечно, а в 2012 году – в г. Горки.

Считается, что городу, которому выпадает честь принимать этот фестиваль, повезло: там проводится масштабная реконструкция основных улиц, строятся спортивные комплексы, больницы; учреждения культуры получают долгожданное дополнительное финансирование. По интернет-запросу «Дажынки» или «Дожинки» в течение всего года можно найти отчетные статьи об освоении бюджета праздника исполнительными властями городов, принимающих фестиваль. На сайте kraj.by постоянно выкладываются фотоотчеты о том, что меняется в городах.

В 2011 году в районном центре Молодечно проводились пятнадцатые, юбилейные, Дожинки; поэтому подготовка и проведение праздника были особо тщательными. В дни республиканского фестиваля-ярмарки этот город стал объектом нашей полевой работы (в сентябре 2011 года). Прежде всего нас интересовало, как сами участники этого мероприятия воспринимают происходящее и в какой мере ритуально-обрядовые элементы будут иметь место в меро-

приятии, семантически связанном с аграрно-религиозным обрядом, но проводимом в республиканском масштабе. Как сегодняшние белорусы воспринимают дожинки и Дожинки?

Необходимо отметить, что праздничные народные гуляния в Молодечно проходили с большим размахом. Центральные улицы города превратились в пешеходную зону, там расположились протяженные торговые ряды. Программа мероприятия была рассчитана на три дня (пятницу, субботу и воскресенье) и включала в себя элементы, ставшие «традиционными» за пятнадцать лет проведения фестиваля. Сразу отметим, что эти элементы – марш тружеников села, праздничный митинг с участием Президента, награждение ударников труда, выставка агротехники и достижений народного хозяйства, концерты фольклорных коллективов и выставки-продажи работ народных умельцев – безусловно, относятся к советскому наследию, а к религиозным ритуалам не имеют ни малейшего отношения. Тем не менее, согласно нашей гипотезе, дожинки как некое действие, пускай даже карнавального характера, имеет отношение к окончанию сбора урожая и тем смыслам, которые работники сельского хозяйства связывают со своей деятельностью, с землей, с процессами рождения, восхода, созревания растений, с оборотом энергии в мире и, в конечном счете, с людьми, которые живут, потребляя эти дары природы. И все это не может не выражаться как-то символическим образом в том действии, которое происходит, пусть даже в виде фестиваля.

Нас интересовало, найдем ли мы такие символы, которые будут отсылать нас и тех, кем и для кого они используются, к каким-то религиозным (трансцендентным) значениям и смыслам; увидим ли мы у людей потребность как-то «взаимодействовать» с запредельным, сверхъестественным или хотя бы намек на то, что не публично, не здесь и сейчас, но где-то в поле, дома, в церкви или костеле аграрии переживают тот же тип опыта, что и их предки, которые столетиями взаимодействовали с духами и/или Богом по поводу своего труда и его результатов и форме рассматриваемого нами в данной статье обрядового комплекса.

В ходе наблюдения нами было зафиксировано следующее.

1. По своей организации праздник как массовое мероприятия мало чем отличается от любого другого народного гуляния (Праздник города, День Победы). Определенный колорит гуляниям придавали композиции из овощей, сена и другие инсталляции, символизирующие Праздник урожая.

2. Фольклорно-этническими изделиями изобиловал так называемый «Город мастеров», который собрал народных умельцев и сотрудников различных студий и домов культуры со всех областей Беларуси. Здесь в продаже было множество предметов магического назначения: текстильные куклы, деревянные птицы счастья, соломенные «пауки», венички (метелки) и пр. Мастера с радостью объясняли магическое предназначение предметов, указывали на их традиционность. Фактически, они продавались не только как сувениры с символическим значением, но и как «действующие» предметы бытовой магии.

3. В программе мероприятия значились некоторые действия, явно перекликающиеся с дожиночными обрядами. Так, например, утром первого дня праздника были предусмотрены «Аблівіны» (Обливания) – обряд обливания водой (очистительный ритуал). Театрализованное шествие «Шлях да хлеба» (Путь к хлебу), главный праздничный парад, в котором принимали участие «пераможцы жніва» (победители жатвы) из всех областей страны, было структурировано таким образом, что некоторые его элементы основывались на дожиночных обрядах: открывал шествие большой украшенный цветами венок из колосьев, который символизировал дожиночный венок – «Адчыняйце брамы, нясём вяночак убраны...» (Открывайте ворота, несем украшенный венок...)⁶; далее шли женщины в национальных костюмах, несшие в решете зерно – «жняя-галачанка з рэштатам зерня и паклонам добрым людзям» (жнея с решетом зерна и поклоном добрым людям); присутствовали и дожиночные красавицы, во главе с Мисс Дожинки 2011 Молодечно. Но на этом обрядовые элементы заканчивались.

4. Необходимо отметить, что на улицах города Молодечно безусловно доминировала не аграрная символика Праздника урожая или Дожинки, а государственная символика Республики Беларусь: флажки и флаги, растяжки и плакаты, пионеры в галстуках цветов национального флага, ребята в форме республиканских общественных объединений «Белая Русь» и «БРСМ». Таким образом, атмосфера праздника соответствовала скорее некому патриотическому, идеологическому мероприятию, чем этническому, обрядовому, аграрно-религиозному событию. Это вполне объясняется тем, что Дожинки республиканского уровня оторваны от той локальной аграрной традиции как идеологически, так и географически. Перемещенный из села в город, праздник оказался отчужденным от своей среды и истоков. Опрошенные

прохожие, жители Молодечно, на вопрос о том, что для них значат Дожинки, отвечали довольно холодно, отстраненно. Все выражали удовлетворение тем, как преобразился город благодаря подготовке к Дожинкам, но на вопросы о том, отмечали ли они сами Дожинки в прошлом году или ранее, будут ли отмечать впредь, большинство давало отрицательный ответ.

5. Опрашивая самих тружеников села, приехавших в город Молодечно со всех областей страны, мы задавали им вопрос о том, что значит для них этот праздник. Ответы в подавляющем большинстве не выходили за рамки профессионально-социальной сферы. Так, например, нам отвечали, что работа по уборке урожая важна, потому что это труд на благо людям, часто упоминались при этом дети. Говорилось, что те, кто достойно трудится на ниве, поощряются государством. Говорили о каких-то материальных благах, связанных с достойным вознаграждением за проделанную работу; о том, что стало лучше жить. Вот, пожалуй, и все затронутые самими аграриями топоры.

6. Отметим также, что религиозных элементов или символов мы практически не обнаружили, за исключением одной торговой палатки от православного монастыря, нескольких католических монахинь на улицах и уже упомянутых выше поделок магического назначения в «Городе мастеров», к которым можно добавить также некоторые сувениры с религиозной семантикой (разного рода ангелы, деревянные иконы), картины в традиционной белорусской технике «выцинанки» с языческими сюжетами (мировое дерево, птицы счастья, Богиня-Мать, венок и т.п.) и одну традиционную батлейку (кукольный театр) с персонажами из Нового Завета.

Таким образом, на сегодняшний день Дожинки как республиканский фестиваль-ярмарка работников села является скорее наследником советского Дня работников села, чем возрождением (реконструкцией) более глубоких, аутентичных для дожинок религиозно-магических обрядов. Обряд получает ипостась ярмарки и карнавала. Магическая символика, присутствующая в народной одежде, украшениях, предметах быта, обрядах и т.д., практически не прочитывается как религиозно-магическая; она используется как элемент фольклора, элемент сказки или мифа, потерявших свою актуальность, свою силу и значение для сегодняшних белорусов, но способных еще подчеркнуть национальный колорит.

Однако искомые нами элементы подлинной религиозной ритуальности все же могут быть обнаружены в современной белорусской культу-

ре. Они живы в самой среде аграриев, в локальных сельских празднованиях дожинок, в тех мероприятиях, которые с ними связаны. Об этом свидетельствует, например, заметка «У СВК Варняны справілі дажынкi» из газеты «Астравецкая прада» от 7.09.2011. В заметке речь идет о том, как трудно далась сельчанам уборка урожая в этом году, как волновались председатель сельского исполнительного комитета А. Вярбович и главный агроном А. Гримбовский, как достойно справились с работой комбайнеры. Закончив основные полевые работы, сельчане устроили праздник дожинок. Сценой стало крыльцо здания сельского совета. На праздничных мероприятиях, как на зажинках, так и на дожинках, непременно присутствовал ксендз-дэкан З. Пикула, который принимает важное участие в жизни сельчан. Рассказывается о том, как молодые жнейки приподнесли украшенный дожиночный сноп главному агроному, который затем передал этот сноп, «который символизировал собранный урожай», председателю, а тот в свою очередь передал сноп скотоводам: «им теперь распоряжаться добычей хлебобобов, стремиться, чтобы выращенный и собранный хлеб принес хороший результат и стабильные финансовые показатели – на благо всего хозяйства и его работников». Также были награждены передовики, и их портреты теперь появятся на доске почета.

Таков формат локальных дожинок в западной Беларуси сегодня. И в нем, как можно заметить, есть место сакральному элементу: участие ксендза является важной частью данного мероприятия. Более того, сама форма проведения мероприятия, те смысловые связи, которые в свободной форме (особо подчеркнем) рождаются в процессе его проведения (например, передача дожиночного снопа скотоводам) свидетельствуют о его естественности и необходимости в жизни сегодняшних тружеников села. В этом формате дожинки, равно как и другие сельскохозяйственные обряды, имеют шанс надолго сохраниться в белорусской культуре, если, конечно, доминирующие конфессии и секулярное государство намеренно не маргинализируют данные практики в глазах их носителей.

Подводя итоги, следует сказать, что дожинки как религиозный обряд, связанный с окончанием основных полевых работ, безусловно, всегда будет сохранять свое значение в тех локальных сообществах аграриев, для которых этот момент является важным итогом их стараний, их труда и которые в своей работе постоянно сталкиваются с множеством непредвиденных, неконтролируемых факторов, на которые призван символиче-

ски повлиять религиозно-магический обряд. Как правильно отмечает А.М. Прилуцкий, религиозному ритуалу для полноценного функционирования «необходим читатель и слушатель в широком смысле: священнослужитель, совершающий ритуал, и другие участники, воспринимающие совершаемое. <...> Важнейшим условием успешности религиозной коммуникации при совершении ритуала является такая ситуация, когда и читатель, и слушатель равно адекватно воспринимают религиозно-теологический контекст, в котором ритуал воспроизводится» [11, с. 135]. Только в ситуации непосредственной причастности к той естественной среде, которая порождает и поддерживает функционирование религиозных смыслов, возможно полноценное сохранение религиозной обрядовости.

Превращаясь в секулярный профессиональный праздник работников сельского хозяйства, религиозный ритуал формализуется, перестает быть магическим ритуалом, так как утрачивается адекватное восприятие связанных с ним смыслов; обряд сохраняет отдельные элементы только в отчужденно-символическом, фольклорном виде, становясь республиканским фестивалем-ярмаркой работников села и перемещаясь в город. Та форма, которую на протяжении последних пятнадцати лет Дожинки обрели и продолжают обретать как республиканский праздник, организуемый на государственном уровне в рамках программы по возрождению и развитию села, является своего рода новой формой не религиозного, но секулярного ритуала, призванного легитимировать для его участников определенный миропорядок, устанавливаемый, однако, уже не мистическими силами (духами и богами), а государственной властью.

Представляется, что данная тема, затрагивающая проблемы секуляризации и сохранения религиозного наследия, духовной и культурной трансформации современного белорусского общества, урбанизации и угасания народной традиции, требует дальнейшего научного социально-гуманитарного, прежде всего – культурно-антропологического, исследования и анализа.

Примечания

1. Перевод с белорусского А. Доманской.
2. Перевод с белорусского А. Доманской.
3. См., например: Сафронов Ю.Н. Новые праздники и обряды. Мн.: Изд-во АН БССР, 1965; Новые гражданские обряды и ритуалы / Республиканский совет по разработке и внедрению в быт новых гражданских обрядов, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Мн.: Изд-во АН БССР, 1978.

4. Перевод с белорусского А. Доманской.
5. См., например: R. Rappaport Ritualand Religion in the Making of Humanity. Cambridge, 1999; Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Венок используется не только в дожиночном ритуале. Венок из колосьев символизирует солнце, вечность, вселенную.
4. Хрышчанович Л.У. Беларускія народныя святы, звычаі, абрады. Менск: БДУ, 1992. 137 с.
5. Сысоў У.М. 3 крыніцы спрадвечных. Мінск: Вышэйшая школа, 1997. 307 с.
6. Замляробчы календар. Абрады і звычаі / Пад рэд. А.С. Фядосіка. Мн., 2003. 195 с.
7. Ліцвінка В. Святы і абрады беларусаў. 2-е выд. Мн., 1998. 200 с.
8. Касцюкавец Л.П. Беларуска народныя абрады. Мн.: Беларусь, 1994. 151 с.
9. Чикин И. Почему вредны для крестьянина религиозные праздники, обычаи и обряды. Брянск: Красный матрос, 1927. 171 с.
10. Алексеев Н.И., Носова Г.А. Новому гражданину – новые обряды. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1995. 290 с.
11. Прилуцкий А.М. Влияние контекстных изменений на структуру религиозных ритуалов и значение их простейших элементов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 135–139.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. 591 с.
2. Лопаткин Р.А. Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1970.
3. Шпилевский П. Обряды крестьян Витебской и Минской губерний при уборке хлеба с полей // Пантеон. 1853. Т. 9. Кн. 6.

DOZHINKI IN BELARUS: FROM RITUAL TO CARNAVAL

A.I. Domanskaya

Dazhynki is a pre-Christian end-of-harvesting ritual widely spread among Belarussian agrarians. Since 1996 Belarussian state organizes the so called «Festival-fair Dazhynki» which is an event of national level of significance. The article offers a description of transformation of a religious ritual into a secular event used by the state authorities to communicate to people care and legitimate power.

Keywords: secularization, ritual theory, Dazhynki, modern ritual, contemporary religion.